* * *

Сидя у Красного моря,
где голубая вода,
в существование горя
верится как никогда.

И, как ни странно — в ненастье,
где тишина на кону,
в существование счастья
верится, как никому.

Так и живёт, где-то между
горем и счастьем навек,
веру, любовь и надежду,
обожествив, человек.

* * *

Вот и славно, вот и ладушки —
испарюсь, как соль морей,
чтобы было, как при бабушке,
доброй бабушке моей.

Чтоб жилось на свете медленном —
не соринкою в глазу,
а вареньем — в старом, медном,
пенно булькая, тазу.

Чтоб соскучился по родине
и обрыдло жить в раю,
и чтоб дети хороводили —
бездны светлой на краю.

Вот и славно, вот и ладушки,
вот и баюшки в конце.
И живу я, как при бабушке
и покойнике отце.

* * *

Запах свежескошенной травы,
сочетанье молока и хлеба
я забыл и позабыли вы,
как забыли птицы привкус неба.

Руки, ноги, крылья — всё путём:
путь-дорожка, бирюза без края.
Но уже бикфордов шнур вплетён
в будущее и горит, сгорая.

На крутом и всмятку берегу
мы сидим над речкой, свесив ноги,
жизни аномальную дугу
разогнув и подведя итоги.

Мы втроём сидим, как А и Б,
на пологий глядя, не мигая,
радуясь закату и трубе,
дубу и грозе в начале мая.

Мы сидим, обнявшись — день за днём,
мы сидим, обнявшись — год за годом,
и своё резиновое гнём,
становясь рекой и небосводом.

* * *

2-48-54 —
мой телефон из прошлой жизни, где
стрижи, как ватман, небо расчертили
и аисты ходили по воде.

Уже лет сто, как тучи набежали
и белые сменили облака.
Но прошлое расчерчено стрижами
и по колено аистам река.

И время — беззащитное, как в тире,
глядит — непоправимо и светло:
2-48-54
— Алло!

* * *

Вдали от шума городского
и городского человека,
я перечитываю снова
жизнь девятнадцатого века.

И тишина ночного леса
звучит — луной неопалима,
как неоконченная пьеса
для цифрового пианино.

* * *

Ах, пани Марыля,
ах, пани Агнешка,
разглажены крылья
и вами, конечно.

Расправлены вашей
любовью пречистой:
небесный пан Анджей,
земной пан Станислав.

Простите, что сердце
отравлено мраком:
Едвабне и Кельце,
Варшава и Краков.

Ах, пане-панове,
ах, панночка-пани,
закат цвета крови
и слёзы по пьяни.

И жертвы и каты —
на фоне могилы.
Как люди крылаты.
Как птицы бескрылы.

* * *

То ли пеночка, то ли пищуха —
залетела в окно:
тихим ангелом, музыкой духа,
что не слышал давно.

Очи — бусинки, голос — хрустален,
память сердца: тик-так.
Тихой музыкой в небе растаял
неопознанный птах.

* * *

Хорошо быть молодым!
Стариком — намного лучше!
Ядовитым, словно дым,
и летучим, словно тучи.

Хорошо быть стариком!
Стариком в чужой отчизне!
У любви под каблуком
жить и радоваться жизни.

И о прошлом не грустя,
и о будущем не парясь,
возвратиться век спустя
в прошлое — себе на зависть.

Ну, а если надоест,
ну, а если станет тошно:
слушать осени оркестр,
что играет водосточно.

Упиваться небом в дым
и скучать в лесу по морю...
Хорошо быть молодым?
Даже очень! Я не спорю!

Видишь жизни окоём?
А февральских птиц на ветке?
Спать обнимемся вдвоём
и вдвоём уснём навеки.